

ВОСПОМИНАНИЯ И. ТУМАНОВА О ПАДЕНИИ КАРСА

Воспоминания о падении Карса 29 и 30 октября 1920 г., написанные полковником Ираклием Константиновичем Тумановым (22. 01. 1891 – 01. 02. 1947), представляют собой отрывок из его неопубликованных целостных мемуаров. Текст в напечатанном виде был передан нам внуком полковника, гражданином США, экономистом, профессором Питером (Петрос) Георгиевичем Тумановым, с согласия которого он впервые публикуется.

Сведения о национальных корнях и о деятельности И. Туманова отрывочны. Его внук при личной беседе с нами затруднялся сообщить о нем обстоятельную информацию. По сведениям П. Туманова, его дед Ираклий Туманов родился в Ереване, был офицером царской армии, служил в Минске, Одессе, Батуми, затем – в армии Республики Армении. Со слов П. Туманова, его отец – Георгий Ираклиевич Туманов – родился в декабре 1918 г., в период армяно-грузинской войны. Не имея достаточных и основательных биографических данных, мы можем лишь предполагать, что автор публикуемых воспоминаний И. Туманов принадлежал к ветви известного тифлисского армянского княжеского рода Туманянов (Тумановых)¹. П. Туманов при беседе с нами однозначно утверждал, что их род имеет армянские корни. Однако в своих мемуарах князь И. Туманов представляется как русский.

Ценность и новизна данного материала заключается в том, что полковник И. Туманов находился на передовых позициях обороны крепости и был непосредственным свидетелем бездарности и преступного равнодушия командования, халатности солдат и офицеров. Подчеркнем, что не со всеми высказанными им мыслями и оценками мы согласны.

Воспоминания приводятся с некоторой редакторской правкой, исправлены ошибки в машинописном тексте, искажения собственных имен.

АРАРАТ АКОПЯН

¹ *Մ. Թռևմանյան. Բմ համառոտ կենսագրությունը և իմ հիշողությունները, Երևան, 2003, էջ 4, 391, 408:*

ПАДЕНИЕ КАРСА

29 октября 1920 г.

I

Сегодня утром, совершенно неожиданно, мы услышали огонь крепостных орудий. Стреляют два наших передовых форта. Все это очень странно, ибо вчера еще, по сведениям н[ачальни]ка штаба крепости, нигде на протяжении фронта наши войска не вступали в соприкосновение с противником. Неужели армянская армия отходит без всякого натиска со стороны турок? На улицах города уже появились арбы, нагруженные женщинами, детьми и домашним скарбом. В который раз несчастные армяне покидают насиженные хижины. Сколько грусти и в то же время покорности судьбе выражено в глазах этих страдальцев. Когда смотришь на этот ужас, в душе подымается глубокое чувство злости по адресу кучки дешевых людей, именующих себя правительством. В самом начале военных действий в Александрополе было созвано военное совещание, на котором разрабатывался подробный план завоевания Эрзерумского, Ванского и других вилайетов Турции, заселенных до войны армянами и (о нахальство!) аппетиты армянских вождей дошли до Тренибизонда (ведь необходимо для всякой порядочной страны иметь выход к морю). А сейчас кажется, что с такой армией в настоящее время дай Бог армянам удержать за собой Эревань. По всем видимостям, армия не только не двигается вперед, но стремительно отходит. Комендант крепости генерал Пирумов² запретил эвакуироваться мирному населению. Почему? Чтобы не было паники или он не верит в поражение? Вернее второе, ибо никто как он виновник того оптимизма, которым преисполнено армянское правительство. Его донесения гласили о блестящем состоянии армии и легкой возможности поражения турок. Но деревни, очевидно, его приказов не соблюдают и одна за другой снимаются и эвакуируются в глубь страны. Голод уже дает о себе знать. Все лавки закрыты, за исключением очень немногих, поднявших цены до безумия. Хлеба на рынке уже достать невозможно.

Ездил за справками в штаб крепости. Начальник штаба крепости и

² Пирумян Даниел бек Абисогомович (1861—1921), полковник русской армии. Принимал участие в Первой мировой войне, взятии Эрзерума (1916 г.), отличился во время Сардарпатской битвы (1918 г.). В 1919 г. в звании генерал-майора он был назначен начальником гарнизона Карсской крепости; 30 октября 1920 г., во время падения Карса, попал в плен к туркам.

действующей армии полк[овник] генерал[ьного] штаба Векилов³, недавно назначенный на эту должность. До него был полковник армянской службы, человек ни с какой стороны не подходящий к занимаемой должности, уже хотя бы потому, что до войны он был дьяконом. Отличившись храбростью в роли партизана, он был произведен в офицерский чин и всю дальнейшую карьеру сделал потому, что принадлежал к правящей в Армении партии «Дашнакцутюн» (?) (об этой партии я пишу в другой главе). Полковник Векилов, единственный офицер генерального штаба, находившийся в то время в Армении, был, конечно, и единственным подходящим человеком на пост начальника штаба. Когда по приезде к нему я спросил, куда перевести штаб нашей бригады в случае обстрела вокзала и его района (где мы находились), то на это последовал самый неожиданный ответ. Привожу его дословно: «Обстрела вокзала быть никак не может, ибо у турок нет тяжелой артиллерии, а на расстояние, достигаемое их пушками, мы их не подпустим. Кто же не верит в славу армянского оружия, может эвакуироваться куда ему угодно». Последнее относилось к моему неотличавшемуся храбростью начальству, от имени которого я и спрашивал. Этот ответ влил в меня немного оптимизма. Вечером я решил еще раз наведаться в штаб, а пока съездить на один из передовых фортов спустя несколько часов.

Если турки в походном движении по шоссе делают 4 версты в час, то послезавтра они будут здесь. Таково мое твердое убеждение, если верить сведениям в штабе, что отсюда в 2-х переходах. Был на форту. Впечатление таково, что будь я самый большой оптимист, у меня не изменилось убеждение в неминуемости катастрофы. Форт защищается 6 тяжелыми орудиями и 1 ротой пехоты. По приезде на форт, я долго не мог разыскать какого-нибудь начальника. Таковым в результате поисков оказался – прапорщик, совсем еще молодой, которому не только форт, но и оружие поручить было бы рискованно. Спрашиваю, что делается впереди и что известно о противнике. Совершенно растерявшийся при виде полковничьих погон прапорщик откровенно сознался, что ничего не знает. «А Вы выслали разведку? И имеете связь с кем-нибудь?» – Продолжаю я осыпать его самыми элементарными вопросами тактики. «Да я приказал фельдфебелю выслать несколько человек вперед для охране-

³ Начальник Карсской крепости и штаба фронта, полковник Александр Давидович Векилов (Векилян). Он был родным братом известного в годы Великой отечественной войны генерала Ивана Векилова. При сдаче Карса полковник А. Векилов вместе с генералами Д. Пирумяном, Х. Араратяном и другими высшими офицерами попал в плен.

ния и связи». Тут же стоявший фельдфебель указал мне рукой на несколько человек, лежащих не далее чем в 20 шагах от места, где мы разговаривали. Кто справа и слева, да и есть ли кто-нибудь, никто на форту не знает, не говоря уже о том, что делается впереди. Связи с тылом никакой. Артиллерийский офицер, такой же опытный, как и его коллега по обороне форта, имел телефон со штабом, но не действующий. Кто-то оборвал провод, а починить никто не умеет.

И это был передовой пост! Я от души выбрал офицера, хотя не только браниться, но даже появляться на форту я не имел права как лицо, никакого отношения к обороне крепости не имеющее, и этот жалкий прапорщик мог бы меня арестовать и с конвоем отправить к коменданту. Очевидно, увидя полковничьи погоны, он, чувствуя свою беспомощность, искал во мне покровительства. Вдруг справа кто-то кричит, что наступают турки. К[оманди]р батареи отдает приказание открыть огонь. Я Ъ вмешиваюсь и прошу дать мне бинокль, ясно сознавая, что не могут турки, минуя другие форты, появиться в том направлении, где были цепи, да и расстояние до турок 2 часа назад было не меньше суточного перехода. В бинокле я разобрал, что цепи были наши отходящие части полевой армии. Указав на это офицерам, я решил немедленно ехать в штаб и доложить, что происходит в войсках, от которых ждет «славы» полковник Векилов. В штабе я застал картину не менее тяжелую. Начальник штаба ходил быстрыми шагами из угла в угол, хватался за голову и возмущенным тоном громко заявлял о полной невозможности что-нибудь сделать для спасения крепости, ибо до сего времени ни одно его боевое приказание не исполнено, нигде на всем фронте наши войска не вошли в соприкосновение с противником, что кавалерийские начальники на его приказ идти вперед отвечают отказом, мотивируясь тем, что кавалерия должна только преследовать убегающего противника, а поэтому все кавалерийские части отходили раньше всех в тыл, и даже не уведомляя об этом штаб. Таково было понятие о дисциплине и тактике армянских кавалерийских начальников, состоящих из турецких армян, людей абсолютно штатских, носящих клички вроде Хамо⁴, Амазасп⁵ и пр., с таким

⁴ У нас нет каких-либо сведений о командире добровольческого конного отряда турецких армян Хамо, если действительно был такой командир.

⁵ Амазасп Хачатурович Срванзтян (1873 — 1921), родился в Ване, командир гайдуков, член партии Дашнакцутюн, отличился во время армяно-татарских столкновений 1905—1906 гг. Во время Первой мировой войны возглавлял 3-й добровольческий армянский отряд; в 1918 г., во время обороны Бакинской коммуны, руководил

же составом всадников, у которых воинственный вид, благодаря навешенным патронам, револьверам и кинжалам везде где можно и где нельзя, был обратно как раз пропорционален их духу и еще более понятию о воинской дисциплине. Эти безответственные люди, благодаря принадлежности к партии, были главными виновниками катастрофы Армении. Для всех становится очевидно, что турки идут сюда по кратчайшей дороге, не встречая на своем пути никакого сопротивления. Остается одна надежда на крепостную артиллерию, но надежда, конечно, очень слабая, ибо [без] пехоты одна артиллерия, несмотря на всю ее мощь, Карса не удержит даже несколько дней. Пехота в большинстве своем отходит, минуя крепость, непосредственно в тыл. В городе начинается паника. Был у интенданта крепости, моего старого знакомого, полковника Аванова⁶. Он отправляет свою семью в Александрополь, Аванов не верит в скорое падение крепости.

Цифры. Оказывается, Карс вооружен 100 тяжелыми и 40 легкими орудиями, а кормит он 22 000 человек. Если допустить, что одна треть их на фронте, то по имеющимся, хотя и скудным, сведениям о силах противника, армяне превышают турок, а так как всякая армия, опирающаяся на крепость, увеличивается в своей силе вдвое по крайней мере, казалось бы есть полное основание рассчитывать на победу. Но зато моральная и качественная сторона армян так отрицательна, что хуже я не видел даже у большевиков. А причины следующие: полное отсутствие дисциплины из-за недостатка кадра в войсках, 75 процентов которых только что мобилизованных, притом не умевших даже обращаться с оружием, и отсутствие хороших офицеров, без солидарности даже среди высших чинов благодаря смешанному составу военных и штатских, партийных и непартийных, порядочных и непорядочных, а последних в большинстве. Ко всему этому надо прибавить еще нищету тыла и угрозу вторжения большевиков со стороны Азербейджана (Баку).

II

30 октября [1920 г.], Карс

Стрельба на всем фронте, пулеметная и ружейная. И вместе с тем все турки двигаются с быстротой обыкновенного походного движения. По

3000-й армянской бригадой, служил в вооруженных силах Первой Республики Армении. Был убит топором большевиками в ереванской тюрьме, в ночь с 17-го на 18 февраля 1921 г.

⁶ Интендант Карсской крепости полковник Артак Каспарович Аванян, род. в 1865 г.

всем дорогам тянутся беженцы. Паника в полном разгаре. Был в штабе. Там полный развал. Ничего добиться нельзя, ибо никто не знает, что делается на фронте, но все понимают, часы Карса сочтены. С фронта все бегут. Застрелился один из самых лучших к[оманди]ров полков полковник Мазманов⁷. Причина – отказ солдат исполнить приказание. Понял неизбежность катастрофы. У всех страх перед резней. Все кто могут бегут. На вокзале столпилось несколько тысяч народу, все стоящие вагоны забиты людьми. Поезда не отправляются из-за отсутствия паровозов, которых тщетно ждут из Александрополя. Тяжелое впечатление производит совершенно растерявшийся к[оманда]нт крепости ген. Пирумов, сидящий с поникшей головой на своей кровати. На всех американских учреждениях выставлены американские флаги, и заведующий с большим самообладанием и спокойствием успокаивает своих служащих. Положение крепости катастрофическое. Все бежит по дороге в Александрополь и частью остается в Карсе, боясь, что не успеют проскользнуть, ибо в городе уже говорят, что крепость окружена. Всякая власть начальников утеряна. В штаб нашей бригады прибывают семьи наших офицеров и ищут спасения. Мимо штаба несется какая-то пулеметная команда, люди объятые паникой не замечают окружающих и давят прохожих. Все мои усилия остановить тщетны. С лошадьми было легче справиться, чем с людьми, и я направил их в какой-то забор, а брошенные пулеметы затащил в наш подвал и засыпал их мусором. Откуда-то до нас стали долетать турецкие снаряды, но зарывались в землю без взрыва. Все форты вокруг нас как по команде замолчали. Значит паника и там. Вся ожидавшая поездов толпа на вокзале вдруг исчезла. Все бросились к штабу крепости. Кругом сразу стало пусто, и наступила гробовая тишина, изредка нарушенная одиночными выстрелами и стуком заколачиваемых дверей в соседних домах. В помещении нашего штаба оказалась масса женщин с детьми и несколько офицеров нашей бригады, в том числе трое русских. С нашего балкона было видно приближение турецких цепей к вокзалу и начинавшийся грабеж брошенных вагонов с имуществом. Мы выкинули белый флаг и, стараясь сохранить спокойствие, ожидали прихода турок. Самые страшные мысли лезли в голову, и весь мой страх был главным образом из-за присутствия женщин. Моя жена и еще одна немка (армянки сидели внутри дома и не показывались) стояли рядом со мной на балконе и размахивали белыми платками, изредка прячась за колонны, когда по нашему дому неизвестно откуда начиналась стрельба. С нами

⁷ Полковник Ованес Тигранович Мазманян, который накануне падения Карса, вблизи Везинкоя совершил самоубийство из-за дезертирства и отказа солдат выполнять приказы.

стояли трое русских, и мы рассчитывали, что увидя русские лица, турки, ненавидевшие главным образом армян, оставят наш дом в покое. Расчет этот оказался более или менее правильным, если не считать того, что турецкие солдаты врываются в наш двор, снимали с нас, мужчин, все, что им понравилось, и уходили удовлетворившимися хорошими пальто, штанами или сапогами. Но оказалось, что главный контингент передовых частей турецкой армии состоял из курдов, с которыми иметь встречи было много хуже. Они врываются в дома, насиловали женщин, вырезали все население и грабили. Началось правильное, систематичное вырезание всех христиан. Подвергся такому нападению и наш дом. При одном воспоминании об этих минутах у меня стынет в жилах кровь. Постараюсь описать их во всех подробностях. К нашим воротам, которые были заперты (наивные люди, мы думали что это нас спасет) подошли два курда и, без труда взломав дверь, вошли во двор. Увидя нас, один из них, немного говорящий по-русски, стал уверять, что он очень любит русских и, ничего худого делать не собирается. Мы их приветствовали как могли тепло и, чтобы совсем расположить к себе, стали одаривать их кто чем мог. Давали им и одежду и часы и деньги. Действительно, они вели себя совсем миролюбиво даже в отношении армян и изъявили желание остаться в нашем доме для охраны от вторжения своих братьев-разбойников. Мы были очень довольны этому обстоятельству пока не случилось, что в нашем дворе появилось человек 7-8 курдов самого зверского вида. Навстречу им вышли наши охранители, и между ними сначала возник спор, окончившись дракой, в результате которой наших двух сторонников вышвырнули за ворота. Во время этой сцены тот, который говорил по-русски, видя свое бессилие нас защитить, стал нам кричать: «Спасайтесь, они сейчас всех вас будут резать». Не имея в руках никакого оружия, да и какой смысл было бы защищаться, когда все улицы полны ими, и после первого же выстрела они ворвались бы к нам со всех сторон. Я уж жалел только, что не мог в эту минуту застрелить жену и застрелиться самому. После того, как они расправились с этими двумя курдами, я вижу как ближе к нам стоящие выхватили свои кривые ножи и бросились, расталкивая нас, в дом, где находились женщины, а оставшиеся готовились расправиться с нами, взводя курки своих винтовок. Кто не испытывал подобного тому чувству, которое охватило меня в этот момент, не может себе представить всего его ужаса. И вдруг! О счастье! На полном галопе в наш двор въехали 2 турецких офицера с несколькими солдатами регулярной турецкой армии. Какими дорогими и близкими они нам показались. С такой же быстротой, если не еще быстрее, чем подъехавшие офицеры – вся компания курдов исчезла из нашего дома. Один из офицеров говорил неле-

по-французски, и мы могли легко с ним объясниться, попросив оставить нам караул. По их словам, мы поняли, что резня и грабеж будут продолжаться три дня, в течение которых они просили никого из дому не выходить. Затем, оставив у нас 2-х солдат для охраны, они помчались дальше. Попытки вторгнуться в наш дом продолжались весь день и всю ночь, но при виде турецких солдат курды сейчас же уходили прочь. Кругом же нас царил ужас, который описать невозможно. Резня шла вовсю. Внезапно исчез один из наших часовых и через полчаса вернулся, весь обрызганный кровью. Он, захлебываясь от удовольствия, рассказывал что только что зарезал 4-х армян в соседнем доме. При всей нашей к нему ненависти, мы должны были быть с ним любезны, ибо все наши жизни зависели от него. Другой наш часовой, по-видимому из зависти к своему товарищу, бросил нас и ушел, вероятно, за тем, за чем ходил его коллега. С нами оставался один, но этого было достаточно для того чтобы курды не смели бы к нам зайти. Что делалось сегодня в городе, мы еще не знаем, но можем себе представить, какой там царит ужас, если город с официального распоряжения турецкого командования отдается на произвол дикарей курдов.

III

2 ноября 1920 г.

Чтобы описать эти все зверства, которые чинились турками и курдами в течение этих трех дней понадобились бы целые тома. Я опишу только те, которым я был свидетель и за что готов принять ругань. В одном русском доме неподалеку от нас искали прибежище и спасение несколько женщин и девушек армянок, в надежде, что русские дома останутся нетронутыми. В течение трех дней и ночей непрерывно вторгались курды и турки на глазах у всех, т. к. все помещались в одной большой комнате, выбирали себе жертву, тащили в соседнюю комнату, где совершали насилие. Нечеловеческие крики и стоны раздавались в этом доме. Многие из несчастных попадали в обморок и в таком состоянии продолжали быть жертвами дикарей. На главной улице города курды ворвались в аптеку, хозяин и хозяйка которой были евреи. На глазах мужа они изнасиловали жену и затем зарезали обоих. Рядом с нами мы нашли старуху и с ней 14-15 летнюю девушку, обоих в глубоком обмороке, со следами гнусного насилия. К нам в дом какая-то старуха притащила маленькую девочку, которой совершили насилие по очереди 8 человек. Она была без сознания и не приходила в себя несколько дней, пока ее не отправили в американский госпиталь. Почти в каждом доме происходило то же самое, за редким исключением тех, где турки остав-

ляли караул. Три кошмарные ночи мы провели в Карсе. Безумные крики и стоны, не прекращаемые ни днем ни ночью, доносились до наших ушей. Сколько атак, особенно по ночам, выдержал наш дом, и не будь с нами часового, конечно, все мы были бы вырезаны. Резня шла всюду. Трупы валялись на улицах, растаскиваемые голодными собаками. После трех дней в городе появились патрули, но грабежи и убийства продолжались, с той лишь разницей, что теперь в них стали принимать участие не только курды, но и турки, и даже турецкие офицеры. Спустя много дней я встретился с неизвестным мне турецким офицером, говорящим немного по-русски. Узнав, что я русский, он начал мне рассказывать про оккупацию Александрополя (после Карса турецкая армия двинулась на А[лександро]поль). Там, оказывается, творилось тоже много безобразия, хотя город сдался без боя. Этот офицер цинично рассказывал, как он угрозами расстрела принудил девушку одного офицера отдаться ему, а кроме того хвалился, что за кусок хлеба он ежедневно имел в своем распоряжении девушку. Сколько бы я не писал, я не мог бы описать одной сотой тех преступлений, которые лежат на совести этого дикого народа и его армии. Говорят, что главнокомандующий турецкой армии в то время Кязим Карабекир Паша, человек порядочный и гуманный, но можно ли допустить порядочность и гуманность в человеке, который сознательно отдает во власть дикарям город, заселенный мирными жителями. И самому в это время спокойно спать и жить. Весь штаб и командный состав в течение этих трех дней не въезжал в Карс, чтобы иметь оправданием отсутствие власти в занятом городе. Наконец они приехали и сразу водворили порядок, повесив для острастки 2-3 курдов за грабеж в сверхположенное время. Курды ушли дорезывать деревни, в которых еще остались не успевшие бежать армяне. Те же деревенские жители, которые застряли в городе, были загнаны в большие бараки близ станции, откуда их уже не выпускали. Что там происходило, не знаю, ибо для глаз извне это было недоступно, но по доносящимся оттуда крикам, взывающим о помощи и пощаде, можно было подумать все, вплоть до самого ужасного. Их окружало много турок и курдов которые то входили, то выходили из помещения. Это происходило недалеко от нашего дома, и я видел, как безучастно к этим крикам относились турецкие начальники, часто проезжавшие мимо. В этих случаях крики особенно усиливались. Я чувствовал, что в каждом турке, какого бы он не был ранга и положения, сидит сначала зверь, а потом человек. Турки говорят, что армяне звери. Я не оправдываю армян. Я сам видел бесчинства и резню, чинимую армянами над мусульманами, но в пользу армян говорю то, что зверства никогда не чинили верхи, а наоборот прекращали их, чему я неоднократно был свидетель. А турки режут не толь-

ко с ведома начальства, но даже с их поощрения. За последние годы в самоопределившейся Армении бывали случаи, когда министры сами руководили истреблением мусульман, живших в Армении, но для кого же секрет, что эти годы сделали низы – верхами.

Разве я не прав, называя турка зверем, хотя бы потому, что турки и курды редко убивают огнестрельным оружием и предпочитают резать свою жертву. Этот излюбленный способ можно объяснить только испытываемым удовольствием при виде мучений и крови.

Среди турок есть и исключения, но их очень мало. На несколько сотен турок, которых я узнал за время моего пребывания в Турции, я знаю несколько человек, которых хотелось бы назвать рыцарями, и я чувствовал, разговаривая с ними, что их самих тяготит принадлежность к этой расе, хотя они стараются это скрыть, подыскивая оправдания своему дикому, коварному народу. Для характеристики турок я приведу слова одного мало знакомого турка, человека очень почтенного возраста. С ним я встретился в Эрзеруме. Он когда-то был в России и проникся к русским большой симпатией, чем я и объясняю его доверие ко мне. Оно было безусловно больше, чем к своим собратиям.

Вот что он мне сказал при прощании, когда узнал, что я намерен остаться некоторое время в Анатолии (Западная Армения.– А. А.) «Мне тебе совет, как другу, если дома в Турции будешь в гостях у самого лучшего и близкого друга турка, и он станет угощать тебя кофе, то, когда тебе и ему подадут чашки, ты их обменяй».

ÿЯ бы мог к этому прибавить только то, что это может относиться к лучшим друзьям, а к туркам, с которыми нет никаких отношений, можно относиться без этих предосторожностей.